

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 165
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-7-14>

Поступила в редакцию 04.11.2022
Received 04.11.2022

Р. Н. Дождикова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Целью исследования является анализ трансформаций обыденного познания в современном обществе на основе гносеологической парадигмы В. С. Степина. Данная парадигма является продуктивной научно-исследовательской программой, которая позволила нам структурировать обыденное познание и систематизировать его функции. В настоящем исследовании эксплицированы трансформации объекта, субъекта, целей и средств обыденного познания в современном цифровом обществе. Рассмотрены особенности влияния цифрового технокода на субъект обыденного познания. Сделан вывод, что гносеологическая парадигма В. С. Степина является плодотворной методологической основой исследования обыденного познания и его трансформаций в современном обществе.

Ключевые слова: трансформации, культура, цифровой технокод, объект, субъект, цели, средства обыденного познания, научно-исследовательская программа

Для цитирования: Дождикова, Р. Н. Трансформации обыденного познания в современном обществе / Р. Н. Дождикова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 7–14. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-7-14>

Raisa N. Dozhdikova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

TRANSFORMATIONS OF EVERYDAY COGNITION IN MODERN SOCIETY

Abstract. The focus of the study is on analyzing the transformations of everyday cognition in modern society on the basis of the epistemological paradigm by V. S. Stepin. This paradigm is a productive research program that has enabled us to structure everyday cognition and systematize its functions. In the present study the transformations of the object, subject, goals and means of everyday cognition in the modern digital society have been identified. The specific character of the influence of digital technocode on the subject of everyday cognition has been considered. It is concluded that the epistemological paradigm by V. S. Stepin is a fruitful methodological basis for the study of everyday cognition and its transformations in modern society.

Keywords: transformations, culture, digital technocode, object, subject, goals, means of everyday cognition, research program

For citation: Dozhdikova R. N. Transformations of everyday cognition in modern society. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 1, pp. 7–14 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-7-14>

Введение. Трансформации в современном цифровом обществе коснулись не только быта обычного человека, характера и типа его коммуникаций, его поведения и деятельности, сознания и мышления, но и науки, политики, всех форм общественного сознания. В этом смысле данные трансформации носят всеобщий (тотальный) характер. Целью данного философского исследования является анализ трансформаций обыденного познания в современном обществе. В связи с поставленной целью сформулированы следующие задачи: рассмотреть методологические предпосылки исследования феномена обыденного познания и его функций, проанализировать трансформации субъекта, объекта, целей и средств обыденного познания, выявить особенности влияния цифрового технокода на субъекта обыденного познания в условиях современной культурной динамики, а также проблемы цифровой социализации.

Методологические предпосылки исследования. Понять феномен обыденного познания, его структуру, функции и современные трансформации позволяет гносеологическая парадигма В. С. Степина. В качестве парадигмы выступают «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [1, с. 11]. Парадигмы не только предлагают *план деятельности*, но и указывают *направления его реализации*: «Осваивая парадигму, ученый овладевает сразу теорией, методами и стандартами, которые обычно самым теснейшим образом переплетаются между собой» [1, с. 143].

В. С. Степин открыл так называемый эффект Мидаса, согласно которому все, чего касается наука, становится объектом ее исследования. Но этот эффект может быть отнесен и к научной теории самого В. С. Степина: к чему бы она ни прикоснулась (культура, наука, философия, обыденное познание), все начинает структурироваться в соответствии с ее основными идеями и теоретическими схемами. Культура как сложная система надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения программирует субъекта обыденного познания, формирует картину его жизненного мира, идеалы и нормы познавательной деятельности, его жизненную философию.

По утверждению В. А. Лекторского, идеи В. С. Степина «сильнейшим образом повлияли на то, что делается сегодня. Ибо речь идет не просто об отдельных мыслях, но и о своеобразных исследовательских программах, которые задают проблемное поле и определяют способы познавательной деятельности. <...> Таким образом, труды Вячеслава Семеновича – это своего рода «Энциклопедия философских наук» [2, с. 12–14], они включают в себя эпистемологию, философию науки, социальную философию, антропологию и философию культуры.

В соответствии с данной позицией мы рассматриваем философию В. С. Степина как продуктивную исследовательскую программу, которая позволяет понять структуру обыденного познания и систематизировать его функции. Гносеологическая парадигма В. С. Степина включает в себя: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы исследования (идеалы и нормы описания и объяснения, доказательности и обоснования, а также идеалы строения и организации знания); 3) философские основания науки [3, с. 706–707]. Рассматривая данную гносеологическую парадигму как универсальную, равно применимую к научному и обыденному познанию, мы экстраполировали ее на обыденное познание и, используя метод конструктивного переопределения В. С. Степина, структурировали обыденное познание в соответствии с данной парадигмой. С этой точки зрения обыденное познание включает в себя: 1) картину жизненного мира; 2) идеалы и нормы обыденного познания; 3) философию здравого смысла [4, с. 75; 5, с. 264; 6, с. 20–21]. Такое структурирование обыденного познания стало для нас плодотворной основой систематизации функций обыденного познания.

Исходя из данного методологического подхода, обыденное познание на уровне картины жизненного мира выполняет *онтологическую, мировоззренческую и эвристическую функции*, способствует получению субъектом обыденного познания предметного знания о своем жизненном мире, синтезу, интерпретации и трансляции различных форм знания. Картина жизненного мира может *программировать поведение, деятельность и общение* субъекта обыденного и научного познания, вдохновлять на различного рода открытия и творческие свершения, поэтому можно говорить об *эвристической функции* обыденного познания [6, с. 21].

Нормативно-регулятивная функция обыденного познания связана с идеалами и нормами обыденного познания и получением нормативного знания о мире человеческой деятельности. Философия здравого смысла осуществляет *рефлексивную функцию*, а также *функцию сохранения и трансляции жизненного опыта*. Для философии здравого смысла характерны элементы рефлексивного знания о преобразованном мире и самом себе. Обыденное познание выполняет важную *прогностическую и экзистенциальную функции*, поскольку здравый смысл позволяет достаточно эффективно оценивать и прогнозировать динамику и исход той или иной жизненной ситуации, а также помогает нам отличать существенное от случайного и неважного и выбирать то решение, которое принесет реальную пользу, т. е. выполняет *селективную функцию*. Такое понимание обыденного познания позволяет выделить его когнитивные элементы – предметное, нормативное и рефлексивное знание [7, с. 10]. В контексте обыденного познания происходят воспроизвод-

ство мировоззрения эпохи, формирование и дальнейшая модернизация собственной обобщенной картины человеческого жизненного мира, которая помогает человеку ориентироваться и действовать в современном мире [8, с. 197]. Обыденное познание «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [9, с. 3] и в этом смысле выполняет *функцию субъектного программирования* не только соответствующих ценностных ориентиров, идеалов и норм, но и образа жизни, координирует действия субъекта обыденного познания [6, с. 21]. Когнитивный анализ функций обыденного познания позволил нам выделить его *методологическую функцию*, а также *функции производства, потребления и нарративной интерпретации знания* [6, с. 23–25].

Трансформации обыденного познания. В современном информационном обществе происходит своеобразное переформатирование картины жизненного мира, идеалов и норм обыденного познания, коррекции, трансформации, а иногда искажению и забвению подвергается даже философия здравого смысла. Жизненный мир современного человека порой также подвергается забвению или замене миром виртуальным. Призыв «Назад к природе» (Back to Nature), выдвинутый Ж.-Ж. Руссо в период Промышленной революции, в современную цифровую эпоху, эпоху так называемой четвертой, или цифровой революции, трансформировался в лозунг «Назад к реальности» (Back to Reality). Виртуальная и игровая зависимость формируется зачастую как неприятие реальности, своеобразное бегство от реальности. Инфантилизм, несамостоятельность, клиповое мышление являются последствиями тотального распространения аудиовизуальных СМИ.

Живое человеческое общение утрачивается даже между близкими, родными людьми, что неминуемо ведет к дефициту понимания. В современном цифровом обществе «роскошь человеческого общения» превращается в дефицит живого общения, трансформируется в проблему социокультурного понимания, а также проблему формирования речевого мышления, которое, согласно Л. С. Выготскому, отличает человека от животного и машины. На смену живому слову приходит письменное в его сокращенном варианте: комп – вместо компьютер, чел – вместо человек, препод – вместо преподаватель и т. д. Например, Метрополитен-музей – Мет не только для американцев. Возникает глобальная дислексия на уровне мировой культуры.

Если родители не разговаривают с детьми «глаза в глаза», если предпочитают виртуальную реальность живому родственному общению, неизбежно возникает не только дефицит общения и понимания, доходящий у детей до аутизма, дислексии и неумения общаться, проговаривать свои мысли, но и глобальный дефицит понимания (семейного, учебно-образовательного, социокультурного). Не может быть понимания между родителями и детьми, учителями и учениками, если отсутствует это живое человеческое общение! Его не может заменить даже телекоммуникация f2f (face-to-face, лицом к лицу), которая иногда может стать формой отчуждения людей.

Степинские принципы классификации научного и обыденного познания по предмету, средствам, продукту, методам и субъекту деятельности [3, с. 45–53] позволили нам рассмотреть изменение предмета, средств, методов, продукта и субъекта обыденного познания в современном цифровом обществе [10, с. 31–32]. Происходит своеобразное расширение и переформатирование объекта обыденного познания за счет виртуальной реальности и возможностей Интернета, оцифровки информации, книг, документов и т. д. «По образу и подобию машины» меняется и упрощается субъект обыденного познания, интеллектуальный багаж, кругозор, языковое поле которого сужается вследствие постепенной утраты интереса к книжной культуре и формирования клипового мышления [10, с. 32]. Человеку угрожает опасность превращения в биопсихосоциальную приставку к компьютеру. Трансформации субъекта обыденного познания связаны с появлением так называемого цифрового человека, программы поведения и общения которого задаются социальными сетями, смарт-реальностью, Интернетом. Можно сказать, что трансформации обусловлены «сращиванием», своеобразной интеграцией современного субъекта обыденного познания с умными гаджетами, техническими нейросетями. Когда подобная интеграция нарушается вследствие утраты умных гаджетов, возникает так называемый «синдром ампутации», о котором заявляют современные психологи и врачи. Субъект обыденного познания испытывает «синдром отмены», который можно даже сравнить с ломкой наркомана. Наиболее распространенный портрет субъекта обыденного познания – это «человек с опущенной головой», физически слабым, неразвитым телом и невербальным (визуальным) мышлением, которое характеризуют

как клиповое мышление. Поэтому в Германии наиболее популярным определением, характеризующим современное общество, является термин «Generation Kopf unten» (буквально, «поколение с опущенной головой»), поскольку сегодня взгляды большинства людей, прежде всего молодого поколения, устремлены в гаджеты, что и требует постоянно опущенной головы [11, с. 21].

Помимо генетического кода и культурного социокода возникает своеобразный цифровой технокод, который во многом начинает определять существование человека и его функционирование в качестве субъекта обыденного познания. На самом деле цивилизационные технокоды существовали всегда, но именно в современную эпоху цифровые технокоды начинают программировать поведение, деятельность и общение субъекта обыденного познания, порой в большей степени, чем морально-духовные социокоды. «Цифру можно назвать своеобразной точкой роста различных видов цифровой реальности: цифровой культуры, науки, дигитальных технологий, человека цифровой реальности (поколения Z), цифровой экономики, дигитального капитализма» [4, с. 9], дигитальной философии, цифрогенной цивилизации как нового этапа техногенной цивилизации. Для дигитальной философии субстанцией является цифровой код [11, с. 3–22].

Современная цифровая культура определяет не только программы поведения, деятельности и общения, но также язык, стиль мышления и образ жизни субъекта обыденного познания. Субъект обыденного познания меняется изнутри, секрет его будущего долголетия в том, что «внутри человек станет немного машиной, а машины немного очеловечатся. Робокон уже реальность, ведь гидравлические протезы реагируют на сигналы мозга, а значит, возможен бионический человек. По мнению одного из ведущих футурологов, в ближайшие 35 лет появятся киборги. Добавьте в эту «солянку» возможности продления жизни, связанные с использованием нанороботов, или сохранение личности в Сети после физической смерти – и мир станет совсем иным. Уже существуют умные автомобили, умные дома, умные системы и цифровая жизнь» [12, с. 39]. У субъекта обыденного познания оцифрованы доходы, расходы, работа, заработок, удовольствия и развлечения.

Расширяются, дополняются и трансформируются средства обыденного познания. Так, в качестве средства обыденного познания может выступать смартфон, компьютер, ноутбук, планшет, электронная книга, активно используются возможности искусственного интеллекта. В то же время возможности собственного интеллекта и даже собственных органов чувств используются недостаточно. Более того, человек перестает доверять себе, своей голове и чувствам, как бы «не верит собственным глазам». На деле происходит своего рода техническое ослепление. Решая какую-либо жизненную задачу, субъект обыденного познания обращается не к собственной голове, а к Интернету, без собственного критического осмысления. Зачастую он так и остается на уровне «детского» мышления и мировоззрения.

Интернет выступает не только как мощный инструмент познания, но и как коммуникационный медиум, «который сделал возможным общение людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [13, с. 15]. По утверждению Рейнгольда, сети «расползаются как колонии микроорганизмов» [14, с. 339]. На смену «галактики Гутенберга» и «галактики Маклюэна» пришла галактика Интернет [13, с. 15; 14, с. 339]. Интернет способен поставлять «информационную энергию» для любых сфер человеческой деятельности [13, с. 13], в том числе для познавательной деятельности субъекта обыденного и научного познания.

Информационные технологии превратили мир в тотально связанную смарт-среду, качественно изменилось общение между людьми, их поведение в Интернете, способы деятельности и заработка: «Благодаря обыкновенному, вполне доступному смартфону каждый может позволить себе общаться со всем миром в режиме реального времени. <...> Колоссальный эффект цифровой революции <...> заключается в том, что все мы оказались на связи друг с другом. Сегодня 7,5 млрд человек могут мгновенно созвониться по мобильному телефону. Мы превратили смартфон в еще более умное средство – в аппарат для сделок. <...> Поистине это тектонический сдвиг <...>. Человечество постепенно оцифровывается, а значит, границы между нами стираются и отчуждение преодолевается» [12, с. 24–25]. Но подобная тотальная связь всех со всеми напрягает, мешает нормальной жизни и деятельности человека, его мозга, создает новые проблемы и перегрузки, поскольку че-

ловеческий мозг не в состоянии осуществить селекцию, обработку и усвоение всей получаемой информации. Будущее же общества зависит от того, сможет ли человек справиться с постоянно растущей информационной нагрузкой, ведь для него жизненно важна не информация вообще, а только выделенная информация, соответствующая его нуждам, интересам, целям и ценностям.

Анализ модифицированных средств обыденного познания (повседневного языка) поможет диагностировать изменения в мышлении, образе жизни и потребностях субъекта обыденного познания [10, с. 31]. Например, потребность в признании принимает превращенные накопительные и иные патологические формы, ведет не только к накоплению «лайков» под фотографиями, «сэлфи» и другими формами «самоотчета», но и к нарциссизму. Продукт обыденного познания (рецепты деятельности и поведения), его приемы и методы рассматриваются современными исследователями (М. Минским, И. Гофманом) как фреймы, процедурные знания, аналог фреймов для искусственного интеллекта. Можно рассматривать подобные рецепты как своеобразные программы деятельности, поведения и общения субъекта обыденного познания, его повседневные технологии.

Проблемы цифровой социализации. Анализируя повседневность как познание, И. Т. Касвин сделал вывод о том, что она «выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [15, с. 414]. На современном этапе информационного общества обыденное познание осуществляет *функцию цифровой социализации* индивида, связанную с цифровыми возможностями его познавательной деятельности, общения и поведения [4, с. 156]. В парадигме всеобщей цифровизации сознание и познание рассматриваются через призму программного обеспечения. Согласно Д. Деннету, сознание представляет собой своего рода ментальное программное обеспечение, перестраивающее функциональную архитектуру мозга [16]. Это программное обеспечение сознания человек получает через механизмы и практики обыденного познания.

Субъект обыденного познания имеет дело с различными видами реальности: физической, виртуальной, игровой, «смарт-реальностью», нанореальностью, а также псевдореальностью, поэтому актуализируется задача согласования «жизненного мира с новыми расширенными представлениями о реальности» [17, с. 72]. Виртуальная реальность «проникает всюду и во многом определяет нашу жизнь. Это создает новые возможности для человеческого развития, но одновременно порождает новые проблемы», связанные с трудностью, а иногда и невозможностью для человека интегрировать всю поступающую противоречивую информацию, которая зачастую является дезинформацией, фабрикуемой пост-правдой. «Пост-правда», которой нас окружают и которая используется в активно ведущихся информационных (дезинформационных) войнах, – это способ манипуляции человеком» [18, с. 21]. Обычному человеку в повседневной жизни очень трудно отделить «зерна от плевел», найти надежные ориентиры в мире дезинформации [19, с. 98–108]. Погружение в виртуальную реальность еще не сформировавшейся личности фактически представляет собой уход от действительности (бегство от реальности, угроз и рисков), приводит к искаженному восприятию реальности, прямым психическим отклонениям, «цифровому слабоумию» [20, с. 97–106]. Сила человека в его разуме, мышлении, но если он делегирует эти качества машине, то это может стать его слабостью, деградацией вида *Homo sapiens*.

Получается, что человеку даже думать не надо, умные гаджеты сами делают выбор за него: что ему смотреть, чем заняться в Интернете. Умные гаджеты анализируют предпочтения человека, а сам он перестает анализировать ситуацию. Просто идет по предложенной сноске. Но так ли это хорошо, что «человеку даже и думать не надо»? То, что не работает, деградирует. Это касается и мышц человека, и его интеллектуальных сил. Сейчас созданы умные чипы, которые позволяют программировать ощущения человека, принимающего пищу. К примеру, он ест здоровую еду (овощи), а ему кажется, что это картофель фри или гамбургер. Не приведет ли такое программирование человека к превращению его в послушного биоробота с букетом психических отклонений (раздвоением личности, шизофренией и т. д.)?

Проблема заключается и в том, что в век умных машин и технологий обычный человек окажется не нужен. В своей книге «Человек цифровой» (в главе 4 разделе 5 «Нам потребуется меньше

людей») Крис Скиннер пишет: «Человек – это источник проблем. Люди подвержены эмоциям, они устают и теряют концентрацию. <...> Машина куда эффективнее человека (люди работают слишком медленно). <...> Машину можно запрограммировать так, чтобы она все делала верно с первого раза, справлялась с задачей каждый раз и никогда не ошибалась. Человека – нельзя. Люди – самое слабое звено, от них нужно избавиться» [12, с. 103–104]. С нашей точки зрения, такой взгляд на человека можно обозначить как *цифровой фашизм* [21, с. 65].

Еще одной проблемой современной цифровизации является «цифровой разрыв», порождаемый существующим неравенством в отношении Сети, дифференциацией между «интернет-имущими» и «интернет-неимущими» [13, с. 284]. Этот «цифровой разрыв» связан не только с возрастными, образовательными, но и имущественными, семейными, а также географическими различиями, например, между городом и деревней, а также с особенностями работы и проблемами здоровья (инвалидностью).

В документальном российском фильме «Репортажи из будущего (Домашние помощники XXI века)», вышедшем на экраны в 2016 г., говорится о возможности получить домашнюю еду, не участвуя в ее приготовлении, а используя 3D-принтер, и других перспективах умных гаджетов. А как быть с перспективами самого человека? Сбываются прогнозы научной фантастики Рэя Брэдбери с его проектом «Умного дома» в рассказе «Убийца» и романе «451 градус по Фаренгейту», Айзека Азимова в рассказе «Обнаженное солнце», где человек попадает под полный контроль умных роботов, которые лучше самого человека знают, что ему делать можно, а что нельзя.

Тема современных трансформаций стала настолько актуальной, что это в той или иной степени понимают даже дети, играющие с трансформерами. Трансформерам посвящены фильмы, комиксы, компьютерные игры. Распространяющаяся сейчас концепция трансгуманизма направлена против человека в его современном виде, против естественной человеческой психосоматики. Одним из проявлений трансгуманистических тенденций и нового варварства является мода на пирсинг, вживление металлических конструкций в различные части головы и тела, тату, дреды, интерес к экстрасенсам, магам и колдунам, что, с одной стороны, является возвратом к дикости, магическим ритуалам, которые якобы могут защитить человека от различных опасностей, с другой стороны, вживление железок в разные части тела и головы может свидетельствовать о скрытом желании человека стать роботом-трансформером, киборгом, мутантом (человеком-пауком и т. д.), а также являться проявлением комплекса неполноценности (желания усилить себя искусственными средствами). Культивирование такой моды, «подогревание» интереса к подобным действиям, темам и фильмам являются лоббированием проблемы генетического трансформирования, включая смену пола, трансформирования телесности, своеобразным культом трансгендеров на переживающем «закат» Западе.

Цифровизация касается всего: сегодня цифруются книги, завтра будут цифровать ценности, а если послезавтра возникнут проблемы с энергоносителями, все может погибнуть безвозвратно. Вызовы цифровой цивилизации могут привести к «суициду массмедиа», так как «массмедийным технологиям угрожает неизлечимая болезнь – гибель материалов, документирующих и передающих информацию. <...> Даже книга, главный инструмент распространения знаний, стала вымирать» [22, с. 40]. У. Эко утверждает, что «новая цивилизация компьютера» угрожает просвещению в целом [22, с. 40–41]. Информация превращается в средство игры, в том числе геополитической, розыгрыша, обмана, различного рода фальсификаций и сконструированной пост-правды.

Тотальная власть социальных сетей, Интернета ведет к трансформации человеческого сознания, мышления и речи, появлению целой армии легко манипулируемых и внушаемых молодых людей с клиповым мышлением, не способных к саморефлексии. Пророчества В. В. Вересаева, писателей-фантастов (Р. Брэдбери, А. Азимова, Пьера Буля и других) становятся реальностью, поскольку трансформации подвергается не только тело человека, но и его мышление, сознание. Идет активная «промывка мозгов», навязывание опасных стереотипов мышления и поведения, ошибочных взглядов и убеждений через социальные сети, фильмы-фэнтези, моду, что приводит к *когнитивной уязвимости субъекта обыденного познания*.

Заключение. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что гносеологическая парадигма В. С. Степина является плодотворной методологической основой

исследования разнонаправленности современных трансформаций обыденного познания при доминирующей интенции на освоении электронных средств и методов, вследствие чего картина жизненного мира небывало усложняется. Анализ трансформаций обыденного познания и современных проблем цифровой социализации позволил диагностировать проблемы социального здоровья общества, выявить когнитивную уязвимость субъекта обыденного познания, а также вскрыть корни фундаментальных культурных изменений в современном социуме.

Список использованных источников

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского, Л. А. Марковой. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
2. Коэволюция науки и культуры в трудах Вячеслава Семеновича Степина: материалы «круглого стола» / В. И. Аршин [и др.] // Философия науки и техники. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 7–45. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-7-45>
3. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
4. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание в контексте цивилизационного развития / Р. Н. Дождикова. – Минск: БНТУ, 2020. – 210 с.
5. Дождикова, Р. Н. Современная структура обыденного познания / Р. Н. Дождикова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2021. – Т. 66, № 3. – С. 263–270. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270>
6. Дождикова, Р. Н. Когнитивный анализ функций обыденного познания / Р. Н. Дождикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2022. – № 2. – С. 18–26. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26>
7. Лукашевич, В. К. Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске / В. К. Лукашевич. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 299 с.
8. Дождикова, Р. Н. Специфика обыденного познания и формирование образа науки в общественном сознании / Р. Н. Дождикова // Вопр. философии. – 2018. – № 7. – С. 196–206. <https://doi.org/10.31857/S004287440000241-0>
9. Степин, В. С. О методологических подходах к анализу социального познания / В. С. Степин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2014. – № 3. – С. 3–10.
10. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации / Р. Н. Дождикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 1. – С. 30–40.
11. Миронов, В. В. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре / В. В. Миронов, З. А. Сокулер // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2018. – № 1. – С. 3–22.
12. Скиннер, К. Человек цифровой: четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / К. Скиннер; пер. с англ. О. Сивченко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 292 с.
13. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; [пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
14. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
15. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 431 с.
16. Деннет, Д. Сладкие грёзы: чем философия мешает науке о сознании / Д. Деннет; под ред. М. О. Кедровой; пер. с англ. А. Н. Ковалёва. – М.: URSS, 2017. – 292 с.
17. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. – М.: Канон+, 2012. – 383 с.
18. Лекторский, В. А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма / В. А. Лекторский // Философия науки и техники. – 2018. – Т. 23, № 2. – С. 18–22. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22>
19. Дождикова, Р. Н. К вопросу об истине в научном и обыденном познании / Р. Н. Дождикова // Вопр. философии. – 2022. – № 7. – С. 98–108. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-7-98-108>
20. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке / [И. А. Герасимова и др.]; под общ. ред. И. А. Герасимовой. – М.: Унив. кн., 2017. – 309 с.
21. Дождикова, Р. Н. Обыденное познание, цифровизация и цифровой фашизм / Р. Н. Дождикова // Информационные технологии в политических, социально-экономических и технических системах: материалы науч.-практ. конф., 22 апр. 2022 г. / Белорус. нац. техн. ун-т, Фак. технологий упр. и гуманитаризации; редкол.: Г. М. Бровка [и др.]; сост. А. В. Садовская. – Минск, 2022. – С. 63–65.
22. Эко, У. Университет и массмедиа / У. Эко; пер. Д. Петрины // ТОPOS. – 2017. – № 1/2. – С. 28–42.

References

1. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. 2nd ed. Chicago, London, University of Chicago Press, 1970. 210 p.
2. Arshinov V. I., Blyukher F. N., Budanov V. G., Burgete Ayala M. R., Vasyukov V. V., Gerasimova I. A. (et al.). Science and culture coevolution in Vyacheslav S. Stepin's works papers of the "round table". *Filosofiya nauki i tehniki = Philosophy of Science and Technology*, 2019, vol. 24, no. 1, pp. 7–45 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-1-7-45>
3. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, historical evolution*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p. (in Russian).
4. Dozhdikova R. N. *Everyday cognition in the context of civilizational development*. Minsk, Belarusian National Technical University, 2020. 210 p. (in Russian).

5. Dozhdikova R. N. Modern structure of everyday cognition. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 3, pp. 263–270 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270>
6. Dozhdikova R. N. Cognitive analysis of the everyday cognition functions. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2022, no. 2, pp. 18–26 (in Russian). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26>
7. Lukashevich V. K. *Creative interaction of subject, normative and reflexive knowledge in scientific search*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 299 p. (in Russian).
8. Dozhdikova R. N. Special features of everyday cognition and the development of an image of science in social consciousness. *Voprosy Filosofii*, 2018, vol. 7, pp. 196–206 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440000241-0>
9. Stepin V. S. On the methodological approaches to the social cognition analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2014, vol. 3, pp. 3–10 (in Russian).
10. Dozhdikova R. N. Everyday cognition and some problems of cognitive socialization. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2018, no. 1, pp. 30–40 (in Russian).
11. Mironov V. V., Sokuler Z. A. Longing for true objective reality in digital culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2018, no. 1, pp. 3–22 (in Russian).
12. Skinner Ch. *Digital human: the fourth revolution of humanity includes everyone*. Hoboken, John Wiley & Sons, Inc., 2018. 328 p.
13. Castells M. *The internet Galaxy: reflections on the Internet, business, and society*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 292p.
14. Castells M. *The Information age: economy, society and culture*. Moscow, Higher School of Economics, 2000. 608 p. (in Russian).
15. Kasavin I. T., Shchavelev S. P. *The analysis of alltdglichkeit*. Moscow, Kanon+ Publ., 2004. 431 p. (in Russian).
16. Dennett D. *Sweet dreams: philosophical obstacles to a science of consciousness*. Cambridge, MIT Press, 2005. 199 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/6576.001.0001>
17. Lektorsky V. A. *Philosophy, cognition, culture*. Moscow, Kanon+ Publ., 2012. 383 p. (in Russian).
18. Lektorsky V. A. Constructive realism as the contemporary form of epistemological realism. *Filosofiya nauki i tehniki = Philosophy of Science and Technology*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 18–22 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22>
19. Dozhdikova R. N. About the truth in the scientific and everyday cognition. *Voprosy Filosofii*, 2022, vol. 7, pp. 98–108 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-7-98-108>
20. Gerasimova I. A. (ed.). *Problems and risks of engineering education in the XXI century*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 309 p. (in Russian).
21. Dozhdikova R. N. Everyday cognition, digitalization and digital fascism. *Informatsionnye tekhnologii v politicheskikh, sotsial'no-ekonomicheskikh i tekhnicheskikh sistemakh: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, 22 aprelya 2022 g.* [Information technologies in political, socio-economic and technical systems: materials of the scientific and practical conference on April 22, 2022]. Minsk, 2022, pp. 63–65 (in Russian).
22. Eco U. The university and the mass media. *Yale Journal of Law and the Humanities*, 1994, vol. 6, no. 1, pp. 81–94.

Информация об авторе

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент. Белорусский национальный технический университет (пр. Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: dozhdikova@inbox.ru. <https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>

Information about the author

Raisa N. Dozhdikova – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Belarusian National Technical University (65 Nezavisimosti Ave., Minsk 220013, Belarus). E-mail: dozhdikova@inbox.ru. <https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>